

церкви великомученицы Екатерины при Училище правоведения.

К сожалению, «музей в музее» в виде «исторических комнат» просуществовал недолго, и от него уже летом 1926 года пришлось отказаться. Сделано это было по приказу вышестоящих инстанций и в основном по идеологическим соображениям. К большому неудовольствию властей, к жизни царской семьи публика проявляла, как назло, гораздо больший интерес, чем к развернувшемуся в парад-

ных залах Зимнего дворца Музею революции. Задача показать народу «жилище тиранов» и получить соответствующий отклик не оправдалась.

Часть служителей, работавших в исторических комнатах, осталась смотреть за уже неработающими залами, кого-то уволили, а кто-то перешел в Эрмитаж или на другую работу здесь же, во дворце.

Со второй половины 1920-х годов Эрмитаж начал постепенно и на первых порах очень медленно

переделывать жилые и хозяйственные помещения Зимнего дворца под выставочные залы. При этом история бывшей царской резиденции тогда вообще никого не интересовала, и дворцовые покои рассматривались исключительно с точки зрения пространства, в котором можно развернуть экспозиции.

Зимний, всегда бывший резиденцией, при которой изначально существовал Эрмитаж, сам становился частью музея.

¹ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 2. Д. 209 (36). 1921–1925.

² Там же. Д. 1. 1922. Л. 55.

³ Там же. Л. 40, 41.

⁴ Там же. Оп. 5. Ч. 2. Д. 209 (36). 1921–1925. Л. 213, 133, 136.

Петербургское чудо

О. Р. Ницман

П Почти треть моей жизни (начиная с рождения) я провел в самом последнем доме по улице Декабристов (бывшей Офицерской), под двойным номером 62–64, как раз напротив дома, где жил поэт Александр Блок. А рядом с нашим домом находился (под номером 60) так называемый «Дом-Сказка».

Очень хорошо помню, какое впечатление на меня, шестилетнего мальчишку, производило тогда это уникальное здание. Я считал его самым прекрасным в городе, даже лучшим, чем Зимний дворец, не говоря уж о многочисленных особняках петербургской знати, по моему детскому мнению не

шедших ни в какое сравнение с моим любимым «Домом-Сказкой». А в ту пору раннего детства я часто ходил на дальние прогулки вместе с моей матушкой, и она обращала мое внимание на многие архитектурные шедевры. Благодаря ей я многое увидел, рано познакомился с нашими замечательными памят-

никами архитектуры, созданными знаменитыми зодчими, все их запомнил и надежно держал в своей памяти. В самом деле, наш город может считаться настоящим архитектурным музеем. И это вовсе не преувеличение.

Пройдемте, читатель, только вдоль Английского проспекта

(в советское время это проспект Маклина) от набережной Мойки до канала Грибоедова, ограничим нашу прогулку этим отрезком длиной около километра, и мы сможем увидеть здания самых разных архитектурных стилей. Мне дороги фамилии зодчих, построивших эти здания: Павлов, Грубе, Головков, Иогансен, Бернардацци, Люцедарский, Мельцер, Ковшаров, Синявер, Мусселиус, Замараев, Хржостовский, Бруни, Высоцкий, Цим, Мульханов. Конечно, это архитекторы «второго плана», и куда уж им тягаться со знаменитыми нашими гениями, чьи имена постоянно на слуху. Но все же и они внесли заметный вклад в создание неповторимых черт облика старого района Петербурга, называвшегося когда-то Колодной.

Однако вернемся к «Дому-Сказке» и расскажем его историю.

До 1905 года довольно обширным участком на углу Офицерской улицы и Английского проспекта владела вдова-полковница Мария Ивановна Маслова. Ей принадлежал четырехэтажный жилой доходный дом постройки середины XIX века. В этом доме в 1881–1882 годах в квартире своей кухни Амалии Литке некоторое время жил П. И. Чайковский. После смерти М. И. Масловой участок с домом у дочери Масловой приобрел в 1905 году золотопромышленник и гласный городской думы Петр Иванович Кольцов. Новый владелец расчистил участок от старых построек и заказал проект дома архитектору Департамента народного просвещения, преподавателю Высших архитектурных курсов Аркадию Аркадьевичу Бернардацци (некоторые источники почему-то именуют этого человека Александром Александровичем). Кстати, неподалеку уже находился дом постройки этого архитектора (на Английском проспекте, 27, на углу улицы Союза Печатников). Возможно, этим соседством и объясняется обращение П. И. Кольцова к А. А. Бернардацци: деловой человек весьма ценил свое время и не считал возможным растрчивать его на поиски других зодчих. Отметим попутно, что в до-

ходном доме 27 в 1906–1910 годы, в кв. 7 проживала знаменитая русская актриса В. Ф. Комиссаржевская, а в 1908–1940 годы в кв. 19 жил и скончался русский ученый-океанолог Ю. М. Шокальский. Здесь также одно время находилась и гимназия.

Итак, новый дом, построенный А. А. Бернардацци уже к 1909 году, поражаел воображение смешением разных архитектурных стилей (эkleктики, псевдорусского, скандинавского модерна), своеобразием деталей и броской красотой: окна и балконы были причудливой формы, стены первых двух этажей отделаны природным камнем, стены следующих этажей представляли собой яркую красно-кирпичную кладку, отделанную поверху огромными майоликовыми панно, выполненными по рисункам художника М. А. Врубеля. На угловом фасаде скульптор К. К. Рауш фон Траубенберг поместил высеченную из камня мифическую птицу Феникс. На своих крыльях она словно поддерживает угловой эркер дома. Здание венчает высокая угловая башня в форме пирамиды.

Старый Петербург изобилует оригинальными постройками, но этот вновь возведенный дом стал на самом деле уникальным и в народе получил название «Дом-Сказка». Еще дом был известен как «дом Кольцова» – по фамилии его владельца. Однако существовала версия, по которой владельцем дома через подставное лицо был Григорий Распутин. Об этом сказано в мемуарах французского посла в России Мориса Палеолога.

Близость Мариинского театра определила и состав первых жильцов этого дома. Ими были театральные работники, артисты, музыканты. Здесь проживала великая русская балерина Анна Павлова, почему петербуржцы и называли этот дом как «Дом Анны Павловой». В роскошной квартире балерины был оборудован репетиционный зал с кафельной печью, расписанной ампириными венками, с фризом танцующих нимф под высоким потолком. В этом зале балетмейстер М. М. Фокин и поставил для Павловой танец «умирающего лебедя».

Пианистом-аккомпаниатором на репетициях был будущий выдающийся дирижер Евгений Мравинский. Жили также здесь поэт Самуил Маршак, композитор Майкапар, певица и профессор консерватории Е. А. Бронская. Одну из квартир занимал создатель отечественной арабистики академик И. Ю. Крачковский. В 1930 году в доме поселился скульптор М. Г. Манизер.

В блокадную зиму 1941–1942 годов в дом попало несколько зажигательных бомб, начался пожар. Несколько дней обессиленные от голода жители вместе с пожарными боролись с огнем, протягивая шланги к проруби во льду соседней речки Пряжки. Удалось отстоять от огня лишь дворовую часть жилого здания. Вспоминаю, каким я увидел «Дом-Сказку» после возвращения из эвакуации. Наружные его стены с пустыми глазницами окон возвышались подобно роскошным театральным декорациям к спектаклю со сказочным сюжетом. Это было величественное и мрачное зрелище. Было ясно, что дом в своем прежнем виде восстановлению не подлежит, и вскоре его начали методично разрушать. Сначала были убраны все оставшиеся «внутренности» дома: балки перекрытий, лестничные клетки и шахты лифтов, промежуточные перегородки и стены. Наконец приступили к сносу наружных фасадов здания. Мы, жители соседних домов, были свидетелями этого впечатляющего, почти театрального действия. Происходило все так: в подъездах дома напротив были установлены мощные лебедки; концы тросов завели за оконные проемы «Дома-Сказки»; затем усилиями многих людей лебедки были приведены в действие, тросы натянулись до предела, и вдруг вся громада фасадной стены покачнулась, словно легкая ширма, и в следующий момент рухнула, взметнув гигантское облако розовой пыли.

Только в 1953 году на месте «Дома-Сказки» возвели шестиэтажный дом «сталинской» архитектуры. Это строгое архитектурное решение восстановленного дома уже ничем не напоминало сказочную композицию бывшего петербургского чуда.

